

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ*

© 2016 г. Н. Борисова

Язык является как основанием для выделения группы, инструментом ее воспроизводства, так и причиной фрагментации сообщества, предметом политических требований его носителей о защите своих прав. Борьба за язык, будучи тесно связанной с проблемой выживания его носителей, которые воспринимают свое положение как угнетенное, дискриминируемое, политизирует язык. Удовлетворение требований языковых меньшинств происходит посредством институционализации преференциальной языковой политики, как элемента этнической территориальной автономии. Пример Воеводины (Сербия) показывает, что язык деполитизируется в том случае, когда выводится из режима требований об обеспечении выживания группы, когда происходит рутинизация преференциальных практик использования языка в разных сферах деятельности, как это наблюдается в Воеводине. В Андра Прадеш, напротив, по разным причинам сколько-нибудь значимой рутинизации не произошло. Таким образом, нейтрализация значимости языка как фактора раскола общества является маркером успешности языковой политики.

Ключевые слова: этническая территориальная автономия, языковая преференциальная политика, этническое меньшинство, политизация языка, Воеводина (Сербия), Андра Прадеш (Индия)

Статья поступила в редакцию 21.05.2016.

DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75

Существуют два основных способа разрешения этнических конфликтов в этнически фрагментированном сообществе: централизация и децентрализация. Первый предполагает создание “*power-concentrating institutions*”, например, институционализацию президентской формы правления в логике “игры с нулевой суммой” [1, р. 11]. Второй, напротив, направлен на институционализацию консociативных механизмов “*power-sharing*” и относительно широкого спектра преференциальных политик в отношении миноритарной этнической группы, а также предоставления ей территориального самоуправления с целью создания этнической территориальной автономии (ЭТА). ЭТА, таким образом, может быть определена как политический институт, включающий следующие элементы: 1) концентрированно локализованная в рамках определенной территории группа (группы), отличающаяся от других сообществ страны этническим составом, а также лингвистическими и/или религиозными особенностями; 2) политические

элиты этой группы вовлечены в процесс принятия решений на институциональном уровне; 3) автономия наделена определенным объемом полномочий и компетенций; 4) группе даны преференции в области сохранения и воспроизводства культуры (как правило, религиозные, языковые, обрядовые и т.п.) [2; 3].

В современной научной литературе можно встретить разные объяснения того, каким образом преференциальные политики способствуют разрешению этнических конфликтов и обеспечивают баланс интересов и прав как больших сообществ, так и миноритарных групп [3; 4; 5]. Исследователи по-разному объясняют, от чего зависит успешность той или иной преференциальной политики. Так, например, американский ученый, профессор У. Сафран предлагает таксономию преференциальных политик, эффективность которых зависит от набора факторов, характеризующих этническое меньшинство: уровень его экономического и политического развития, укорененность и сплоченность группы, существенные характеристики и ценностные ориентации ее элиты, уровень приверженности культуре меньшинства, интенции и интересы, которыми руководствуются политики, принимающие решения на национальном уровне [4, р. 61]. Иными словами, речь идет преимущественно о факторах структурного порядка. Другое объяснение дей-

БОРИСОВА Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, РФ, 6141990 Пермь, ул. Букирева, 15 (borisova_nv@psu.ru).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00034).

ственности преференциальных политик связано с попыткой характеристики их в зависимости от стратегического выбора элит. Например, Дж. Мак Гэри и Б. О'Лири, выделяя восемь видов преференциальных политик, группируют их в два основных набора: политики, направленные *на устранение* существующих различий, и политики, направленные *на их урегулирование* [5, р. 4]. Предоставление и институциональное закрепление языковых преференций этническому меньшинству (меньшинствам) является примером второго набора.

Языковые преференции являются одними из значимых, поскольку, как отмечает американский политолог Э. Лиу, ссылаясь на Д. Горовица и П. Бурдые, признание языка означает наделение правами его носителей [1, р. 12]. Фактическое возникновение права [на самобытность] в этом случае является условием не просто выживания, но воспроизводства сообщества. Здесь уместно согласиться с известным американским социологом Р. Брубейкером, который указывает на то, что воспроизводство языка в современном обществе не может быть сколько-нибудь успешным исключительно в рамках семьи; оно требует внешней социализации, а это означает организацию государством комплексного школьного образования на языке меньшинства (когда язык не просто объект обучения, средство обучения). Только так языковое меньшинство может воспроизводиться [6, р. 8].

Исследователи, как правило, рассматривают язык в трех аспектах. Во-первых, как инструмент общения; во-вторых, как инструмент, обеспечивающий доступ к определенной культуре [7]; и, в-третьих, как ключевой элемент идентификации [8, р. 287]. В первом и во втором случаях речь идет о том, что язык понимают как средство выражения или обмена мыслей, знаний и информации, а также передачи опыта и культуры. При этом существенно будет различаться понимание роли языка в обществе в зависимости от того, какой методологической ориентации придерживается исследователь. Так, примордиалисты предписывают языку статус признака этничности и маркера ее границ, настаивая на том, что язык предписан человеку с точки зрения его происхождения и родства. Российский лингвист Н. Германова отмечает, что противники примордиалистов – конструктивисты – обвиняют их “в эссенциализации языка” [9, с. 32]. Д. Горовиц, американский политолог, соглашаясь с отдельными положениями примордиализма, указывает на то, что язык фактически является маркером этнической идентичности [10]. Если для примордиалистов язык является исконной сущностью, то с позиций конструктивизма (включающего и инструментализм) язык – результат рационального выбора

индивидов. Р. Брубейкер пишет, что язык (равно как и религия) является более важным по сравнению с этничностью доменом в процессе первичной социализации, и, “хотя язык нередко представляется как примордиальный феномен, таковым на самом деле не является, будучи изменчивым во времени” в разных контекстуальных условиях [6, р. 3].

А. Карла, Р. Брубейкер, Э. Лиу указывают на то, что язык является политическим феноменом. Так, политолог А. Карла, обращаясь к конструктивизму, пишет, что “язык является политической категорией, будучи инструментом мобилизации, а значит, может быть встроен в один ряд с такими политическими явлениями, как класс или идеология” [8, р. 287]. Э. Лиу, отмечая, что язык – политический феномен, ссылается на М. Брауна и С. Гангули и указывает, что “язык не просто маркер этнической идентичности, но то, что определяет членство индивидов в конкретной группе и границы существования этой группы” [1, р. 8]. Эксперт пишет, что политическая роль языка проявляется и в том, что он – (фактически) источник национального единства и инструмент для конструирования политического сообщества. В частности, Лиу приводит пример Югославии, где в эпоху Тито сербохорватский язык был переименован в югославский, а после распада страны в 90-е годы хорваты и сербы заявили о собственных языках – сербском и хорватском [1, р. 8]. Пример, приведенный Лиу, подтверждает тезис Н. Александера, который настаивает на том, что язык – не просто набор конкретных правил грамматики и синтаксиса (в этом смысле сербский и хорватский крайне мало отличаются друг от друга и являются, скорее, этнолектами¹). Напротив, язык следует понимать как “результат политических и экономических событий в конкретный исторический момент” [11, р. 23]. История изменения статусов сербского, хорватского и бошняцкого языков в контексте формирования Боснии и Герцеговины подтверждают идею Александера. Лингвист Б. Тошович пишет: “Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х годах приняли самоназвание бошняки, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка (*bosanski jezik*), но хорваты и сербы выступили против этого глоттонима, основываясь на том, что язык, который нормируется на

¹ Этнолект – это “лингвистический термин, обозначающий разновидность языка по национальной принадлежности. Этнолект может представлять собой диалект языка или даже не иметь принципиальных отличий от литературной формы языка, однако носители этнолекта обычно считают себя иным народом, чем тот, по имени которого назван язык. В отсутствие единого литературного языка существуют несколько этнолектов; различия между ними невелики и допускают практически полное взаимопонимание носителей”.

мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий – *bošnjački*), а не по территориальному (боснийский – *bosanski*), ... хотя и оно оказывается территориально неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина” [12, сс. 25-26, 28]. Таким образом, для сербов, хорватов, бошняков – граждан БиГ – хорватский, сербский и боснийский являются отдельными языками, что как минимум отражается на официальных сайтах органов государственной власти, которые имеют одновременно четыре версии: боснийскую (латиница), хорватскую (латиница), сербскую (кириллица и латиница) и английскую. Само право называть свой язык по этнониму для сербов и хорватов связано с их претензией на сохранение особого статуса и преференций. При этом для этнической самоидентификации бошняков в начале 90-х годов оказалось важным установление этнонима “бошняцкий”, тогда как использование глоттонима “боснийский” было нацелено на территориальную идентификацию, в данном случае бошняки делали акцент на то, что язык их открыт для всех народов БиГ. В целом ситуация с языками в БиГ является одним из маркеров крайне конфликтных отношений между этническими группами, и объясняет характер лингвистической фракционализации.

Пример Боснии и Герцеговины подтверждает тезис А. Карлы о том, что язык как таковой не является предзаданным элементом развития идентичности индивидов. “Она формируется через практики и системы взаимодействия индивида и государства, личности и власти” [8, р. 287]. Иными словами, язык выступает инструментом коммуникации в этих взаимодействиях, посредством которых и формируется идентичность. Р. Брубэйкер, сравнивая язык и религию как политические феномены, отмечает, что “язык в отличие от религии значительно больше и дольше политизирован, [поскольку] является универсальным и всеобъемлющим средством социальной жизни и составляет непосредственную среду общественного дискурса, правительства, администрации, права, судов, образования, медиа, топонимики”. Публичная жизнь может быть *арегиозной*, но не может быть *алингвальной*” [6]. И вот здесь важным оказывается вопрос о том, как и посредством чего запускаются в действие практики и системы взаимодействия индивида и государства, делающие язык политическим феноменом и присваивая ему политическую инструментальную роль.

Борьба за язык нередко является следствием актуализации вопроса выживания его носителей, которые воспринимают свое положение как угнетенное, дискриминируемое. В связи с этим можно

согласиться с профессором Университета Кардиффа (Уэльс, Великобритания) К. Уильямсом в том, что родной язык, право на нем говорить по сути является наиболее важной причиной политической активности и требований демократического представительства [13, р. 102]. Это означает, что запрос языковых меньшинств на преференции в области языка вполне объясним их интенциями расширения возможностей для участия в публичной жизни и принятия решений. Таким образом, язык оказывается не просто маркером этничности (основанием для выделения группы) и способом (инструментом) воспроизводства группы, но причиной фрагментации сообщества и одновременно предметом политических требований этнической группы относительно защиты/расширения ее прав, удовлетворение которых является одним из результатов языковой политики.

Среди ученых, специализирующихся в области политической лингвистики и этнополитологии, отсутствует сколько-нибудь серьезный спор относительно общего определения понятия “языковая политика” (*language policy*). Под языковой политикой понимают, как правило, политику (как систему мер и действий), направленную на развитие языка, стимулирование или сдерживание контактов и конкуренции между языками в сообществе. Вместе с тем анализ исследовательской литературы показывает, что ученые серьезно расходятся в характеристике направленности и содержания языковой политики. Если в одних случаях в фокусе их исследовательского интереса оказываются как национальная языковая политика (и здесь интерес для них представляет то, каким образом государство решает задачи национального государственного строительства и целостности), в других случаях акцент делается на преференциальной языковой политике как элементе институционализации и функционирования ЭТА.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: СОДЕРЖАНИЕ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Следует согласиться с лингвистом Беатрис Ладо в том, что, кроме собственно языковой политики как системы административных регулятивных мер, существуют “неявные формы языковой политики, представленные в системе образования, мифах, пропаганд и языке публичного пространства” [14, р. 135]. Под языком публичного пространства, как отмечает Ладо, Е. Шохами понимает язык улиц, торговых центров, школ, рынков, офисов и других публичных, а часто и частных сфер [14, р. 135]. Но если первое (административное) измерение языковой политики достаточно легко поддается

изучению, в том числе с помощью исследовательских процедур сравнительной политологии, то второе оказывается трудноуловимым, поскольку невозможно измерить реальный масштаб распространения языка, силу и глубину его проникновения (укорененность) в обществе. В связи с этим в фокусе компаративистски ориентированного исследования оказываются все-таки политические курсы (*policies*), субъектом которых выступает государство (в лице национального, регионального или местного правительства), в то время как общественные организации, включенные в реализацию подобной политики, выполняют преимущественно роль агента. К. Уильямс отмечает, что формат, содержание и характер реализации языковой политики определяют три основных фактора: 1) отношения, которые выстраиваются между властью и гражданскими общественными организациями; 2) роль судебных и конституционных процедур в процессе защиты или изменения языковых стратегий; 3) политический контекст формирования языковых стратегий [13, p. 103]. Этот тезис Уильямса убедительно подтверждается примером Автономного края Воеводина в Сербии.

Доминирующей этнической группой Воеводины являются сербы, численность которых по данным национальной переписи за 2011 г. [15] составляет 66.76% от общего числа проживающих на территории Воеводины граждан. Вторая по численности группа – венгры (13%), третья – цыгане (7.64%). Население Воеводины крайне полиэтнично. На территории края проживают также албанцы, бошняки, болгары, буневцы, вlahи, горанцы, македонцы, муслиманы, немцы, словаки, словенцы, русины, русские, украинцы, румыны и др. (всего 26 этнических групп) [16]. Сербский исследователь Б. Белик отмечает, что “Воеводина является одним из наиболее гетерогенных в этническом отношении Балканских регионов” [17]. При этом, по данным Национальной переписи 2011 г., сербы Воеводины составляют лишь 21.54% от всех сербов, проживающих в Сербии, в то время как албанцы – 38.75%, венгры – 98.91%, буневцы – 98.58%, немцы – 80.51%, горанцы – 15.18%, югословены – 52.25%. Венгры доминируют в 6 муниципалитетах на севере Воеводины, а также проживают, не составляя большинства, в 25 других муниципалитетах края. Всего на территории Воеводины 41 мультиэтнический муниципалитет.

Согласно параграфу 1 ст. 24 Статута Воеводины, сербский язык и кириллица являются официальными языком и алфавитом делопроизводства в крае. Кроме того, статус официального регионального языка дан также венгерскому, словацкому, хорватскому, румынскому и русинскому языкам и исполь-

зуемым ими алфавитам [16]. Но на муниципальном уровне список используемых в официальном делопроизводстве языков еще шире, что обеспечивается Статутом Воеводины (ст. 6), Конституцией Сербии (ст. 79) и ратифицированной Сербией “Европейской Хартией региональных языков и языков меньшинств”. В соответствии с этими документами, правительство Воеводины ответственно за обеспечение официального использования сербского языка (на кириллице и/или латинице), венгерского, словацкого, хорватского, румынского и др. языков этнических меньшинств, проживающих в крае. Члены правительства имеют право пользоваться родным языком в ходе выполнения своих должностных обязанностей как в устной, так и письменной форме [18]. Статут Воеводины реализует положения Закона о защите прав и свобод этнических меньшинств Республики Сербия 2009 г. и решение Конституционного суда 2014 г. [19]: устав любого муниципального образования, города, населенного пункта (коммуны) предусматривает возможность использовать в официальном делопроизводстве языки и алфавиты этнических меньшинств, проживающих на этих территориях. По состоянию на 2014 г. сербский язык и кириллица используются во всех 45 муниципалитетах края как официальный язык и алфавит Сербии; в 15 муниципалитетах используется латинский алфавит. В список официальных языков и алфавитов Воеводины включены венгерский язык (используется в официальном делопроизводстве в 31 муниципалитете), словацкий (в 13 муниципалитетах), хорватский (в 4 муниципалитетах), румынский (в 10 муниципалитетах), русинский (в 6 муниципалитетах), чешский (в 1 муниципалитете), македонский (в 2 коммунах двух разных муниципалитетов), болгарский (в 1 коммуне), хроногорский (в 1 муниципалитете) [20].

Поскольку этнический состав края изменчив во времени, меняется и набор официально используемых в каждом конкретном муниципалитете языков (за исключением сербского как государственного во всей Сербии). Сравнительный анализ данных лингвистической структуры Воеводины и территориально-административного деления за 2009 [17] и 2014 г. [19] свидетельствует о том, что за последние пять лет выросло число муниципалитетов, где официально используется русинский язык (с 4 до 6), в то время как количество муниципалитетов, где одним из официальных языков является хорватский, сократилось (с 10 до 4).

Для реализации ст. 79 Конституции Сербии в 2009 г. был принят “Закон об этнических советах этнических меньшинств” [21]. В соответствии с этим законом Советы этнических меньшинств (далее – этнические советы) являются выборными органами

самоуправления, которые правомочны действовать в области культуры, образования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств (ст. 2). Ст. 3 регулирует процедуру регистрации этнических советов, согласно которой любой созданный на территории Сербии, в том числе и Воеводины, этнический совет регистрируется республиканским министерством по правам человека и меньшинств в специальном Реестре. В соответствии со ст. 9 количество членов этнического совета может варьироваться от 15 до 35 человек и зависит от численности этнического меньшинства, создающего этот совет. “В случае если этническое меньшинство по результатам последней переписи населения меньше чем 10 тыс. человек, то совет насчитывает 15 членов. Если этническое меньшинство насчитывает больше 10 тыс. человек, но меньше 20 тыс., то в совет входят 19 членов” и т.д. (ст. 9). Мандат совета действует в течение 4 лет с момента формирования совета. В компетенции этнических советов входит: “учреждение символов и праздников этнических меньшинств; создание учреждений, ассоциаций, фондов, коммерческих организаций в областях культуры, образования, информирования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств; предложение (делегирование) представителей этнических меньшинств в советы по межнациональным отношениям на уровне муниципалитета; законодательная инициатива и мониторинг реализации законов и других нормативных актов в области культуры, образования, информирования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств; участие в подготовке нормативных актов по вопросам гарантии прав этнических меньшинств в области культуры, образования, информирования и официального использования языков и алфавитов этнических меньшинств; создание действующих на уровне муниципалитета специальных регламентов для достижения равенства между представителями этнических меньшинств и гражданами большинства и др.” (ст. 10). Этнические советы могут выступать с инициативами по этому кругу вопросов и адресовать их в республиканские органы власти, правительство и легислатуру автономного края Воеводины, а также органы МСУ.

Этнические советы формируются посредством прямых выборов, право на участие в которых имеют члены этнической группы, внесенные в специальный список. Совет может быть распущен решением республиканского министерства по межнациональным отношениям в случаях, предусмотренных законом, в том числе в случае выхода из состава совета половины и более его членов (ст. 40). Последние выборы в этнические советы на территории Воеводины состоялись в 2014 г. [22].

Закон об этнических советах создал особую систему самоуправления для этнических (языковых) меньшинств. Он институционально закрепил для них возможность через системы советов реализовывать свои права в области культуры, образования, средств массовой информации и официального использования языка. Советы носят консультативный характер, но при этом играют важную роль в поддержании национально-культурной автономии этнических меньшинств на территории как Сербии в целом, так и Воеводины в частности. Деятельность советов финансируется из государственного бюджета, но при этом они могут получать финансирование от иностранных и международных источников. Например, Венгрия и Румыния в качестве *kin-states* выступают через свои фонды как доноры для соответствующих этнических советов в Сербии [23, р. 2]. Решением Скупщины Сербии (в отношении всей страны) и Ассамблеи Воеводины (в отношении края) принимаются решения о финансировании деятельности этнических советов из государственного/краевого бюджета. Размер финансовой поддержки не является постоянным и определяется исходя из следующих критериев: численность этнической группы, количество образовательных, культурных учреждений и СМИ на территориях компактного проживания представителей этнической группы.

Следует отметить, что в Воеводине этнические советы появились намного раньше, чем был принят закон 2009 г. Венгры как вторая после сербов этническая группа, начиная с 1994 г. боролись за возможность создания многоуровневой этнической автономии, предлагая в качестве практического решения образовать подобные этническим советам консультативные органы. В результате созданный в 1999 г. “Альянсом воеводинских венгров” “Этнический совет венгров Воеводины” фактически стал прототипом для законодательного решения 2009 г. об институционализации этнических советов [23, р. 4]. Кроме того, еще в 2002 г. был принят Закон “О защите прав и свобод этнических меньшинств” [24], который наделил этнические меньшинства правом создавать свои советы. Первыми этим правом воспользовались воеводинские венгры, а за ними воеводинские хорваты. Ряд решений и предложений, которые были приняты венгерским этническим советом в период с 2002 по 2010 гг., был поддержан на законодательном уровне Ассамблеей Воеводины [23, pp. 4-7]. Например, именно по предложению совета был составлен и утвержден список венгерских топонимов для населенных пунктов, где большинство составляют венгры. Эти топонимы были приняты как официальные названия населенных пунктов. Был создан венгер-

ский педагогический колледж в Суботице (филиал университета г. Нови-сад). В колледже венгерский язык признан как основной язык обучения будущих учителей начальной и средней школы. Были созданы школы с углубленным изучением дисциплины естественнонаучного и гуманитарного профиля, в которых обучение также ведется исключительно на венгерском языке. По инициативе совета созданы фонды, поддерживающие исследования истории и культуры этнических венгров в Сербии. Политическим проводником предложений Этнического совета венгров на республиканском уровне (с 2008 г.) выступил «Альянс воеводинских венгров». Когда в результате парламентских выборов Альянс стал парламентской партией, предложения Этнического совета венгров о законодательном расширении прав этнических советов вошли в повестку Скупщины Сербии, что и привело к принятию в 2009 г. закона об этнических советах.

Важным представляется то, что компетенции этнических советов распространяются на зону ответственности органов местного самоуправления (культура, образование, язык, СМИ). Фактически решения местных органов власти по этим вопросам в конкретных муниципалитетах оказываются зависимыми от позиции совета той этнической группы, которая является доминирующей в конкретном муниципалитете. В случае если местные власти игнорируют предложения/требования этнических советов, то последние имеют право обратиться в суд, а судебная практика свидетельствует о том, что очень часто принимаются решения в пользу позиции этнических советов.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

В современном мире можно увидеть много примеров, подтверждающих политическую значимость языка и обусловленную этим институционализацию языковой политики. Однако ее эффективность зависит, по-видимому, от различных структурных характеристик ЭТА и особенностей контекста политизации языка. Ярким примером значимости контекстуального фактора является современная история индийского штата Андхра Прадеш, где доминирующую этническую группу составляют носители языка телугу, а появление этого штата на политико-административной карте Индии связано с языковым фактором. В 1953 г. был принят закон о создании сначала штата Андхра путем выделения из штата Мадрас округов с телугуговорящим населением, а в 1956 г. в результате слияния штатов Хайдарабад и Андхра был создан новый штат Андхра Прадеш [25]. Это административно-территориальное решение принималось по формуле

“один штат – один язык”, а мнение Комиссии по реорганизации штатов (1956 г.) о сохранении штата Хайдарабад в качестве самостоятельной административной единицы учтено не было. Новый штат оказался искусственным образованием по причине религиозных различий (в Хайдарабаде и соседних с ним округах было сконцентрировано мусульманское население, в то время как в экс-провинции Андхра – индуистское) и отчасти лингвистических (мусульмане, особенно жители города Хайдарабад, были носителями миноритарного языка урду).

По данным переписи 2011 г. религиозная структура населения штата характеризуется доминированием индуистов (88.46%), вторая по распространенности религия – ислам (9.56%) [26]. Мусульмане в основном сконцентрированы в г. Хайдарабад и окружающих его 10 округах. Главная этническая группа штата Андхра Прадеш – телугу, в историко-культурном отношении является конгломератом носителей индоарийских и дравидийских культур [25]. Основанием для выделения этой группы стал язык телугу, который доминирует в лингвистической структуре штата и имеет статус официального регионального языка². На телугу говорит порядка 83.88% населения штата, таким образом, концентрация телугу в Андхра Прадеш (доля членов группы, проживающих в ЭТА, от общей численности группы в стране) составляет 47.54% [25; 27]. Соответственно, доминирующее в целом в Индии хиндиязычное население в данном штате составляет всего 3.23%. Вторым по значимости языком является урду, носители которого составляют 8.63% [25]. В период с 1971 по 1991 гг. урдуговорящее население демонстрировало стабильный рост: от 20% в 1971–1981 гг. до 25 в 1981–1991 гг. [28]. Его носители сконцентрированы в отдельных муниципалитетах разных округов штата и во всех муниципальных районах Хайдарабада. В последнем случае носители урду составляли, по данным переписи 2001 г., 38.9% жителей, что коррелировало с численностью исламского населения в регионе. Индийский лингвист А. Фатихи отмечает, что язык урду не в полной мере является “иконой исламской идентификации”, поскольку далеко не все мусульмане говорят на урду: лишь в округе Рангаредди, на территории которого расположен Хайдарабад, соотношение мусульман и урду доходит до 100% [28]. Именно концентрация мусульман – носителей

² Список официальных языков Индии устанавливается конституционно и может быть изменен. В настоящее время (в результате поправок 2007 г.) в Индии признаны 22 так называемых списочных языка. Кроме того, конституция позволяет штатам самостоятельно устанавливать официальные языки штатов, в том числе ими могут быть и те, которые не включены в этот список.

урду в районе Хайдарабад стала дополнительным фактором выделения штата Телангана в 2014 г.

Процесс выделения Теланганы был сложным, длительным и болезненным. Сепаратистские требования Хайдарабада актуализировались еще в 60-е годы прошлого века. Для их нейтрализации на уровне штата в отношении *урдуговорящих* муниципалитетов были приняты специальные институциональные решения, составившие фактически каркас языковой преференциальной политики. Если телугу признан официальным языком Андхра Прадеш, то урду был присвоен статус **дополнительного официального языка** в тех муниципальных районах, где носители урду составляют 15% и более от всего местного населения. На начало 2000-х годов таких округов, в которые входят муниципалитеты с концентрацией носителей урду 15% и выше, по данным Фатихи [28], было четырнадцать. Урду используется там как второй официальный язык, прежде всего в публично-правовой сфере: 1) для подготовки ответов на запросы, полученные от граждан в органы власти и поданные на языке урду; 2) в муниципальных судах, а также при рассмотрении дел в Высочайшем Суде Андхра Прадеш, переданных на апелляцию из нижестоящих инстанций в случае, если судопроизводство там велось на урду (для этого сотрудники судов, прежде всего секретариат, должны владеть урду); 3) урду является официальным языком уголовно-процессуального кодекса в 13 округах (включая Хайдарабад)³. Муниципальные служащие при приеме на работу обязаны продемонстрировать знание урду, сдав экзамен. В районах, где носителей урду менее 15%, язык может использоваться в качестве дополнительного для отдельных целей: организации муниципалитетом тендеров на закупки всех видов работ; для извещения о торгах, размещаемых департаментами рыбного хозяйства и акцизными службами; для извещения о размещении торгов службами департамента лесного хозяйства и управления ирригационными системами на уровне мандалов и ниже и т.п. Кроме того, решением правительства штата было создано Управление по вопросам перевода, в функции которого входит перевод важных нормативно-правовых актов, положений и уведомлений на язык урду и языки других меньшинств, представители которых проживают в штате Андхра Прадеш.

Для Индии актуальна проблема неграмотности, которая оказывается наиболее значимой для аграрных территорий. В Андхра Прадеш именно среди сельского населения наиболее высок процент неграмотных, особенно среди женщин [29]. Это

обуславливает специфику национальной и субнациональных образовательных систем – функционирование начальной ступени направлено на решение проблем безграмотности. В этой сфере в Андхра Прадеш трехязычная формула имеет следующий формат: 1) телугу, тамильский, каннада, урду, ория, хинди и маратхи в качестве первого языка с 1 по 10 классы; 2) телугу, хинди, тамильский, каннада, урду, маратхи, ория и специальный английский в качестве второго языка с 8 по 10 классы; 3) английский язык в качестве третьего языка с 5 по 10 классы.

Однако специальная языковая политика в отношении урду в штате Андхра Прадеш не предотвратила его распад, поскольку катализаторами регионализма и сепаратизма, помимо языкового разнообразия, очень часто выступают иные структурные и контекстуальные факторы (религиозные конфликты, экономические диспропорции, расколы внутри элиты, успешные практики сепаратизма и регионализма в соседних регионах). Более того, есть основания полагать, что языковая преференциальная политика в Андхра Прадеш в 2000-е годы способствовала фрагментации региона.

* * *

Примеры институционализации и реализации языковой политики в Воеводине в Сербии и Андхра Прадеш в Индии могут быть отнесены к тому типу языковой политики, которую специализирующаяся в области социолингвистики Б. Буш маркирует как инклюзивную. Такая политика основана “на трех столпах:

- право на выражение различий и признание различий;
- содействие равному доступу к ресурсам и обеспечение равных прав носителей разных языков;
- обеспечение социального взаимодействия между лингвистически разными социальными группами и их представителями” [30, р. 217].

Инклюзивная языковая политика является позитивной, поскольку направлена на решение проблем социального разобщения, она, кроме того, оказывается средством регуляции отношений между языковыми группами. А. Карла настаивает на том, что логически можно выделить 2 типа языковой политики: 1) политика, регулирующая властные отношения между языковыми группами, направленная на обеспечение доступа к политическим институтам (парламент и правительство) и участия в процессе принятия политических решений; 2) политика как регулятор использования языка в социальных отношениях между языковыми группами (реляционная языковая политика) в таких институтах, как школы и СМИ [8, р. 290]. В этом плане Воеводина оказывается примером комплексной языковой политики,

³ Десять из них после административной реформы 2014 г. составили новый штат –Телангана.

которая не только институционализовала практику использования языка в социальных отношениях между языковыми группами, но и регулирует политико-властные отношения между группами, обеспечивая их представителям доступ к политическим институтам (парламент и правительство). В свою очередь Андхра Прадеш, скорее, является примером регуляции преимущественно социальных отношений.

Эти примеры также подтверждают как идею Брубейкера, так и предположение Карлы о том, что язык деполитизируется в том случае, когда выво-

дится из режима требований об обеспечении выживания группы (сообщества), когда происходит рутинизация преференциальных практик использования языка в разных сферах деятельности, как это наблюдается в случае Воеводины. В Андхра Прадеш, напротив, по разным причинам сколько-нибудь значимой рутинизации не произошло. Это означает, что успешность языковой политики, по-видимому, следует измерять через нейтрализацию значимости языка как фактора раскола общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Liu A. *Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2015. 256 p.
2. Cederman L.-E., Hug, S., Schädel, A., & Wucherpfening, J. Territorial Autonomy in the Shadow of Conflict: Too Little, Too Late? *American Political Science Review*, 2015, vol. 109, no. 2, pp. 354-370. DOI:10.1017/S0003055415000118
3. Wolff S. Complex Power-sharing and the Centrality of Territorial Selfgovernance in Contemporary Conflict Settlements. *Ethnopolitics*, 2009, vol. 8, no. 1, pp. 27-45. DOI:10.1080/17449050902738853
4. Safran W. Non-separatist Policies Regarding Ethnic Minorities: Positive Approaches and Ambiguous Consequences. *International Political Science Review*, 1994, vol. 15, no. 1, pp. 61-80. DOI:10.1177/019251219401500105
5. MacGarry J., O'Leary B. The Micro Political Regulation of Ethnic Conflicts. Introduction. *The Politics of Ethnic Conflicts Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts*. Abingdon, Oxford, Routledge, 2013, pp. 1-40.
6. Brubaker R. Language, Religion and the Politics. *Nations and Nationalism*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 1-20. DOI:10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x
7. Patten A. Political Theory and Language Policy. *Political Theory*, 2001, vol. 29, no. 5, pp. 691-715.
8. Carla A. Living Apart in the Same Room: Analysis of the Management of Linguistic Diversity in Bolzano. *Ethnopolitics*, 2007, vol. 6, no. 2, pp. 285-313. DOI:10.1080/17449050701345041
9. Германова Н.Н. Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике. *Вестник МГЛУ*, 2009, № 557, сс. 24-41. [Germanova N.N. Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike [Artificial Languages of Imagined Communities: the Problem of National languages in Western Linguistics]. *Vestnik MGLU*, 2009, no. 557, pp. 24-41.]
10. Horowitz D. *Ethnic Group in Conflict*. Berkley, University of California Press, 1985. 707 p.
11. Alexander N. *Language Policy and National Unity in South Africa/Azania*. Cape Town, Buchu, 1989. 80 p.
12. Тошович Б. *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков. Т. I*. Москва, Языки славянской культуры, 2011. 639 с. [Toshovich B. *Korrelyatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov. T. I* [Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2011. 639 p.]
13. Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn. *Regional and Federal Studies*, 2013, vol. 23, no. 1, pp. 101-122. DOI:10.1080/13597566.2012.754353
14. Lado B. Linguistic Lndscape as a Reflection of the Linguistic and Ideological Conflict in the Valencian Community. *International Journal of Multilingualism*, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 135-150. DOI:10.1080/14790718.2010.550296
15. *2011 Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia*. Belgrade, Statistical Office of the Republic of Serbia. Available at: <http://webrzs.stat.gov.rs/> (accessed 14.10.2015).
16. *Vojvodina Basic Facts* (2015). Available at: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/autonomous-province-vojvodina> (accessed 19.10.2015).
17. Belić B. Linguistic Vojvodina: Embordered Frontiers. *The Multilingual Society Vojvodina: Intersecting Borders, Cultures and Identities*. Sapporo, 2014, pp. 1-24. Available at: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/slavic_eurasia_papers/no6/contents.html (accessed 13.09.2015).
18. *Government of the Autonomous Province of Vojvodina*. Available at: <http://www.vojvodina.gov.rs/en/government-autonomous-province-vojvodina> (accessed 19.10.2015).
19. *Official Use of Languages and Scripts in the AP Vojvodina* (2014). Available at: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/etext.php?ID_mat=207&PHPSESSID=6ojvmmt68lo04ff839psef46u1 (accessed 15.10.2015).
20. *Languages and Alphabets in the Official Use in the Statutes of Cities and Municipalities of the Autonomous Province of Vojvodina* (2014). Available at: <http://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php> (accessed 15.10.2015).

21. *Law on the National Councils of National Minorities* (2014). Available at: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/zakoni/Zakon_ns.pdf (accessed 14.10.2015).
22. *Elections to National Minority Councils* (2014). Available at: <http://voiceofserbia.org/content/elections-national-minority-councils> (accessed 16.10.2015).
23. Purger T. Ethnic Self-governance in Serbia: the First Two Years of the National Minority Councils. *International Relations Quarterly*, 2012, vol. 3, no. 2, pp. 1-18. Available at: http://www.southeast-europe.org/pdf/10/DKE_10_A_DK_Purger-Tibor.pdf (accessed 16.10.2015).
24. *Law on the Protection of Rights and Freedoms of National Minorities* (2002). Available at: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/zakoni/Zakon_o_zastiti_prava_nac_zajednica.pdf (accessed 15.10.2015).
25. *Andhra Pradesh* (2015). Available at: <http://www.appr.gov.in/> (accessed 01.05.2016).
26. *Religion PCA* (2011). Available at: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html (accessed 01.05.2016).
27. *The World Fact Book: India* (2015). Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html> (accessed 27.03.2016).
28. Fatihi A.R. Urdu in Andhra Pradesh. *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*, 2003, vol. 3. Available at: <http://www.languageinindia.com/april2003/urduinap.html> (accessed 02.05.2016).
29. *Population Enumeration Data (Final Population)* (2011). Available at: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html (accessed 01.05.2016).
30. Busch B. Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue. *Education As Change*, 2013, vol. 17, no. 2, pp. 209-218. DOI:10.1080/16823206.2013.803660

**POLITICIZATION OF LANGUAGE AND LANGUAGE PREFERENTIAL POLICY
IN ETHNIC TERRITORIAL AUTONOMIES**

(World Economy and International Relations, 2016, vol. 60, no. 9, pp. 67-75)

Received 21.05.2016.

Nadezhda V. BORISOVA (borisova_nv@psu.ru),

Perm State University, Russian Federation, 614990 Perm, Bukireva Str., 15.

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 15-18-00034 “Securing a Balance in Interethnic Relations: Regional Autonomies, the State Integrity and the Rights of Ethnic Minorities”

Traditionally, language is regarded as both a primordial basis for an ethnic group identity and an instrument of its reproduction that needs external socialization and special state policy. Moreover, language causes the fragmentation of society and, by that, it comes into political input of native speakers to enforce their rights. It leads to ethnic conflicts. All this makes language politically significant. There are two main ways for ethnic conflict resolution: institutionalization of power-concentrating system or institutionalization of consociate power-sharing system. The last one implies an ethnic territorial autonomy, the institutionalization of which helps to prevent, manage and resolve ethnic conflicts and hence to remove language from politics. Language preferential policy along with other special policies and a power-sharing system are the main elements of an ethnic territorial autonomy. The examples of Vojvodina (Serbia) and Andhra Pradesh state (India) serve to educe the logic of the ethnic minority groups’ language depoliticization. This is because language is no longer the cause for political requirement of a group survival. In other words, preferential practices of ethnic minority language usage are routinized in widen social communications, public administration and policymaking. It means that the neutralization of the language importance as a society fragmentation factor marks the language preferential policy success.

Keywords: ethnic territorial autonomy, language preferential policy, ethnic minority, politicization of language, Vojvodina (Serbia), Andhra Pradesh (India).

About author:

Nadezhda V. BORISOVA, Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor at the Political Science Department.

DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75